

Феоктист Березовский

БАБЬИ ТРОПЫ

RUGRAM

Издатель Иванов В.Ю.

УДК 82-311.6
ББК 84(2)
Б48

Березовский, Ф.

Б48 Бабы тропы / Ф. Березовский. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 718 с. — (Русский приключенческий роман).

ISBN 978-5-521-90120-3

В первой части романа «Бабий заговор» рассказано о необычном фантастическом бунте женщин против векового домостроя, против произвола и издевательств, безраздельно властвовавших в доме мужей. В деревне Кабурлы небывалый мор напал на мужиков, один за другим начали они непонятно почему умирать. Пока старики догадались, выяснилось, что, пожалуй, «полдеревни надо в тюрьму сажать» за отравление. Две последние части романа «В урмане» и «Последняя тропа» переносят читателей сразу через десятилетия — в годы революции и гражданской войны.

УДК 82-311.6
ББК 84(2)
ВІС FC
BISAC FIC000000

© RUGRAM, 2022
© Компьютерная вёрстка, Судаков К. А.
© Подготовка текста, оформление,
Издатель Иванов В. Ю., 2022

ISBN 978-5-521-90120-3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БАБИЙ ЗАГОВОР

Глава 1

Всю зиму пополнялась и двигалась с запада на восток большая партия ссыльнопоселенцев и каторжан, одетых в серые бушлаты и в коты. Шли они закованные в кандалы и окруженные вооруженным конвоем.

Всю зиму от тюрьмы к тюрьме, от этапа к этапу тянулись дни, томительные, однообразные и скучные.

Шагали арестанты через широкие российские поля, через мохнатые уральские сопки с серыми осками, заваленные снегом, через безбрежные просторы забеленных сибирских степей, через темную синеву непроходимых зарослей сосны, ели и березы. Шагали они с обмороженными и облупившимися лицами, с бритыми наполовину головами, с желтыми тузами на спине. Шагали под размеренные всплески кандального звона, под вой бурнов и вьюг, под матерные окрики солдатской команды.

И лишь брызнула с небес голубая весенняя оттепель, миновали кандальники потемневший и готовый к разлому Иртыш, неделю передохнули в вонючей омской тюрьме и, по сырой весенней прели, пошли большим Сибирским трактом дальше на восток.

А перед самым севом отделили от партии небольшую толпу поселенцев, пригнали в волость и распределили

по деревням. Пять человек назначили в Кабурлы — верст за семьдесят от волости.

На третьи сутки под вечер пришли они в Кабурлы. У поскотины, около землянки, остановились.

А в землянке бродяга Никита жил: сухой, приземистый и плешивый, с лицом Николая Чудотворца; только седая клочковатая борода была пошире и подлиннее да колени от старости согнулись. Но крепкий и веселый был старик. Летом крестьянский скот пас, а зимой христовым именем побирался и спал в банях.

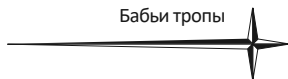
Сейчас Никита только что пропустил через ворота поскотины последних коров деревенского стада и, войдя в беззаконную землянку, сбросил с плеч сумку с остатками черного хлеба, длинный пастуший бич и свой дырявый армяк. Хотел Никита прилечь на земляную лежанку и отдохнуть — до ужина в очередной крестьянской избе, — да увидел подошедших гостей и вновь вышел из землянки.

Перед Никитой стояли четыре мужика средних лет и один молодой парень. Все пятеро были босоногие и одеты во все серое — арестантское. На головах у всех круглые суконные шапочки с плоским верхом, лица и одежда покрыты толстым слоем пыли. В руках они держали арестантские коты, а у поясов их болтались маленькие жестяные котелки.

Мужики поздоровались:

— Здравствуй, дедушка!

— Бог на помощь, дед!

— Милости прошу, — коротко ответил Никита и пристально посмотрел на гостей подслеповатыми, но острыми глазами; сразу, по одежде, узнал, что за люди пришли в деревню, но все-таки спросил:

— Небось, к месту приписки пришли? На поселенье?

— Как есть правильно, дедушка, — ответили мужики. — На поселенье.

— Откуда, — спросил Никита, — из каких краев препожаловали?

— С разных мест... Кабурла-то — эта будет?

— Она самая.

— Значит, прибыли?

— Прибыли, — засмеялся старик, показывая из-под седых усов гнилые зубы.

Он запахнул рваные полы рыжего армяка, потом присел на корточки к землянке и, обращаясь к поселенцам, спросил:

— Надолго?

Черный корявый мужик ответил:

— Разно... Кто на пять, кто на десять лет. А кто и насовсем.

— Подходяще, — опять засмеялся старик. — Присаживайтесь. Чего стоите на ногах? В ногах правды нет...

Постукивая котелками, поселенцы притулились к землянке.

Солнышко из-за леса через речку бросало на деревню уже последние бледно-золотистые лучи. А неподалеку от землянки, где-то сзади, в перелеске, все еще раздава-

лись малиновые звоны тонкоголосых вечерних птиц. Серая пичуга сидела совсем близко от мужиков, на крайней березке, и настойчиво просила: «выпить... выпить... пить-пить!». Вверху, над головами мужиков, в далеких лиловых небесах перекликалась запоздавшая стая гусей: «га-га-га!.. га-га-га!..» От села доносились крики баб и ребятешек, лай собак и мычание скота, только что миновавшего поскотину и скрытого от поселенцев густым облаком пыли. Коровий рев гудел уже по деревенской улице, а серое облако пыли все еще стояло над проселочной дорогой, над поскотиной и, расплываясь в стороны от проселка, тянулось к землянке и било в лица мужиков знакомыми запахами их родных деревень: полынью, навозом, полевыми травами и парным молоком.

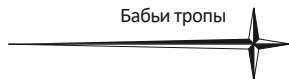
Усталые, вспотевшие и пропыленные, поселенцы долго сидели молча. Жадно глотали они дурмящие запахи деревенской пыли, тоскливо поглядывали на деревню, на речку и на березовый лес, плотной стеной обступивший деревню с трех сторон. Вспоминали покинутые родные гнезда — такие же шумные и пыльные в этот вечерний час.

Русоволосый и долгоносый рязанец уперся простоватыми серыми глазами в глухую стену леса и, вздохнув, сказал:

— Сторона... язви ее!..

Старый бродяга повернул к нему мохнатое свое лицо и, оскалив гнилые зубы, засмеялся:

— А что?

— Да как же, — раздумчиво ответил рязанец. — Семьдесят верст отмахали, а хоть бы одна русская душа попалась! Одни киргизы... и то редко... Глухомань!

Бродяга почесал белые кудлы за ухом:

— Да, глухая сторона... Леса, степи да болота...

Рязанец спросил:

— Давно здесь живешь?

— Годов тридцать...

— Здешний?

Старик опять засмеялся:

— Не помню...

— То есть, как это не помнишь?

— А так и не помню, — сухо ответил старик, глядя посуровевшими глазами куда-то в сторону, в лес. — Вы что... судьи аль пристава какие?

Поселенцы, смеясь, переглянулись, поняли, что старику неприятен такой допрос. Рязанец шутливо сказал:

— Это мы так, дедушка, к слову пришлось. Уж очень много тут в Сибири непомнящих...

Тем же сухим старческим голосом бродяга ответил:

— Много... Это верно.

— Та-ак, — протянул рязанец. — Ну, а как тут... для нашего брата?

— Худо, — ответил старик, вновь оживляясь и повертываясь к поселенцам. — Сами видите... Народ здесь не богато живет... Заработков никаких. А на тракту — озорство...

Корявый мужик, перебивая разговор, весело воскликнул:

— А нам-то что!

— А вот слушай.

Старик сел поудобнее и начал:

— Много народу гонят сюда... Тридцать годов живу я в Сибири, всю исколесил ее, матушку, вдоль и поперек. Всего насмотрелся. Живу... смотрю и все вижу. Сами посудите: куда деваться человеку, которого на вечное поселение пригнали сюда? Ну и идут люди на тракт — к мужикам в работники. Года по два, по три, по четыре чертомелят на богатеев. Богатый-то мужик в каждой малой деревушке имеется. Расчет подойдет, хозяину надо платить работнику пять-шесть рублей. А где их взять? Денег в деревне мало, а жадность у мужика большая. Почешет затылок хозяин да в лес по дрова и пошлет работника... Следом и сам с топором поедет. А после один на всех лошадях возвращается...

Белокурый и курчавый парень вскричал:

— Значит, ухлопал?!

— Беспременно, — подтвердил старик... — А то и так бывает: деньги-то хозяин отдаст, потом пустит работника за поскотину... до первого лесочка... После топор за пояс... Падет на коня... догонит и укокает своего работничка.

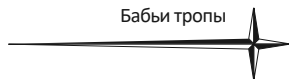
Курчавый парень опять перебил:

— А что же народ-то!.. Неужели мужики молчат?

— А что же им делать? — усмехнулся старик. — Кричать, что ли, на всю деревню?

— Заявить, — запальчиво проговорил парень.

— Начальству донести...

— Поди-ка, донеси... Донесе-ешь!.. Он тебе донесет... убивец-то...

Видя, что парень смотрит на него непонимающими глазами, старик повернулся к нему и стал разъяснять:

— Ты подумай-ка: кто кого бьет-то? Богатый убивает бедного — горбача. Горбачами нас здесь зовут. А горбач в этих краях — все равно что человек, лишенный всех прав и состояния. Опять же... кому жаловаться, кому доносить? Начальству? Приставу?.. А богатый-то мужик с приставом за ручку здоровается. Понял?

Старик помолчал. Посмотрел на сумеречный лесок, в котором птицы допевали свои последние вечерние песни, и, обращаясь уже ко всем поселенцам, продолжал рассказ:

— Вот вы и кумекайте насчет здешних мужиков. Сегодня они, мужики-то, сделают донос на богатого убивца, а завтра он сам поедет в волость аль в город и задарит все начальство. Да, да! А что вы думаете? Еще как задарит-то!.. А там, глядишь, неурожай хлебов в деревне либо падеж скотины... Иной раз полдеревни за один год в разор пойдет. К кому в таком разе мужикам идти? Конечно, идут к богатею. Потому, больше некуда здесь мужику податься. Ну, а богатея-то и скажет: «Вы на меня клязузу произвели, а я вам должен помощь подать? Э, не-е-ет! Я не дурак! И помощи моей вам не будет». Да еще фигу покажет: дескать, накось, выкуси!.. Ну, и уйдут мужики, не солоно хлебавши. И будут люди голодать, будут умирать с голоду. Особенно дети, которые... А что вы думаете? Он ведь, богатый-то мужик, в здешних краях иной

раз один на всю деревню... Вот и получается: либо ты иди и доноси на него, а значит... в случае чего, готовься к беде. Либо посматривай на его черные дела да помалкивай. Так-то, братцы мои калиновые!

Старик умолк.

Задумался рязанец, тихо вымолвил:

— Неужели все богатеи здесь такие жадные до денег? Неужели так-таки за пятерку и убьют человека?

Никита почесал за ухом и так же тихо сказал:

— Не все, конечно... Но есть такие... Особливо те, что на тракту живут, где обозы с товаром ходят да купцы по разным делам проезжают. Поди, слышал пословицу: «От трудов праведных не наживешь палат каменных». А из здешних деревенских богатеев очень даже многие на тракту, с кистенем в руках, богатство свое добывали.

Старик потянулся к бородатому рязанцу и еще тише добавил:

— Вот ты и посуди: что стоит такому человеку ухлопать работника — горбача? Да ровным счетом ничего! Жадность-то человечья на все толкает людей. А пять-шесть целковых здесь большие деньги. Богатому трудно с такими деньгами расставаться. Ну, вот он и идет на все... и убивает...

Рязанец спросил старика:

— Давно в этой деревне живешь?

— Да годов пять, — ответил Никита.

Корявый мужик посмотрел на рваное одеяние старика, на его кнут и сумку, спросил:

— Пастух?